

Гарри Гаррисон
Джон Холм

МОЛОТ И КРЕСТ
♦
КРЕСТ И КОРОЛЬ
♦
КОРОЛЬ
И ИМПЕРАТОР

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Г 21

Harry Harrison
THE HAMMER AND THE CROSS
Copyright © 1993 by Harry Harrison
ONE KING'S WAY
Copyright © 1994 by Harry Harrison
KING AND EMPEROR
Copyright © 1997 by Harry Harrison
All rights reserved

Published by permission of the Estate of the author via Igor Korzhenevskiy
of Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

Перевод с английского
Виктора Гаврилова, Алексея Смирнова
Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрации в тексте и на обложке
Виталия Еклериса

ISBN 978-5-389-21020-2

© В. Н. Гаврилов (наследник), перевод, 2023
© А. К. Смирнов, перевод, 2023
© В. В. Еклерис, иллюстрации, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

МОЛОТ И КРЕСТ

Qui kredit in Filium, habet vitam aeternam; qui autem incredulus est Filio, non videbit vitam, sed ira Dei manet super eum.

Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем.

Евангелие от Иоанна, 3: 36

Angusta est domus: utrosque tenere non poterit. Non vult rex celestis cum paganis et perditis nominatenus regibus communionem habere; quia rex ille aeternus regnat in caelis, ille paganus perditus plangit in inferno.

Дом тесен: ему не вместить обоих. Царь Небесный не хочет водиться с проклятыми и языческими так называемыми царями; ибо только один Вечный Царь правит на небесах, а остальные проклятые язычники стонут в аду.

Алкуин, дьякон из Йорка, 797 г.

Gravissima calamitas umquam supra Occidentem accidens erat religio Christiana.

Величайшее бедствие, выпавшее на долю Запада, — это христианство.

Гор Видал, 1987 г.

Книга 1

ТРЭЛЛ

ГЛАВА 1

Северо-восточное побережье Англии, 865 г.

Весна. Рассвет на мысе Фламборо-Хед, где нагорье Йоркшир-Уолдс вдается в Северное море, как гигантский рыболовный крючок весом в миллионы тонн. Оно указывает на морской горизонт, напоминает о вечной угрозе, исходящей от северян. Теперь против этой напасти нехотя начали объединяться правители карликовых королевств, неверные и завистливые, хранящие память о давней вражде и кровавом следе, который протянулся за англами и саксами за те века, что миновали с их появления в здешних краях. Гордые разжигатели войны, что повергла Уэльс; благородные воины, которые — как рекут поэты — наследовали землю.

Тан Годвин ругался про себя, расхаживая вдоль частокола крепостицы, возведенной на самой оконечности Фламборо-Хеда. Весна! Быть может, в более счастливых краях прибавление дня и светлые вечера означают зелень, цветущие лютики и стада удоистых коров, тяжело бредущих в хлев. Здесь же, на высоте, они означают северо-восточные ветры и равноденственные шторма.

Позади Годвина выстроились в цепь кривые деревья, как повернувшиеся спиной к ветру люди, — каждое на несколько дюймов выше предыдущего; эти природные флюгеры указывали на истязаемое бурей море. С трех сторон как огромный и медлительный зверь шевелилась серая вода; волны закручивались и пластались под гнетом ветра, который утюжил даже могучие океанические валы. Серое море, серое небо да горизонт, изломанный волнами, и ни единой краски в мире, кроме тех, что проступают в россыпях брызг, когда буруны расшибаются о слоистые обрывы.

Годвин пробыл здесь так долго, что перестал слышать грохот ударов по скале и замечал их, только когда тучи брызг поднимались особенно высоко, так что вода пропитывала плащ с капюшоном и текла по лицу солеными каплями в отличие от пресных дождей.

Да и какая разница, подумал он тупо. Все тот же холод. Можно вернуться в укрытие, расшвырять рабов и согреть у огня озябшие руки и ноги. В штормовые дни набегов не бывает. Викинги — лучшие

моряки в мире, во всяком случае по их словам. Не нужно быть великим мореходом, чтобы понимать: в такую погоду лучше не высываться.

Ветер дул с востока — нет, прикинул Годвин, с юго-востока. От Дании унесет будь здоров, но как удержать ладью, чтобы не повернула лагом? И как причаливать, если повезет доплыть? Нет, безнадежное дело. Он может спокойно посидеть у огня.

Тоскливо взглянув на хижину, курившуюся дымком, который мгновенно относил ветром, Годвин вернулся к своему занятию — хождению по настилу. Господин хорошо его вымуштровал. «Не рассуждай, Годвин, — сказал он. — Не думай, что нынче могут нагряться, а могут и не нагряться. Не воображай, будто утрата бдительности хоть на миг — пустяк. Пока длится день, оставайся на холме, смотри в оба глаза. Иначе однажды ты подумаешь одно, а какой-нибудь Стейн или Олаф подумает другое, и окажется на берегу, и углубится на двадцать миль до того, как мы его настигнем — если вообще настигнем. А это означает потерю сотни жизней и на сотню фунтов серебра, скота и сгоревших домов. И оброк не будут платить годами. Поэтому поглядывай, тан, иначе твои же поместья и пострадают».

Так высказался его господин Элла. А позади короля черным вороним сидел над своим пергаментом Эркенберт, и его гушиное перо скрипело, выводя загадочные черные закорючки, которых Годвин боялся больше, чем викингов. «Два месяца служения на Фламборо-Хеде тану Годвину, — возгласил он. — Нести дозор до третьего воскресенья после Ramis Palmarum»¹. Чуждые слова скрепили приказ.

Ему велели смотреть, и он будет смотреть. Но он не обязан стоять трезвым, как чопорная девственница. Повернувшись по ветру, Годвин крикнул рабам, чтоб живо несли горячий пряный эль, которого он потребовал еще полчаса назад. Один мгновенно выбежал с кожаной кружкой в руке. Годвин с глубоким неудовольствием следил, как раб просеменил к частоколу и начал взбираться по лестнице на дозорные мостки. Редкий болван. Годвин держал его из-за зорких глаз, но и только. Этого человека звали Мерла. Когда-то он был рыбаком. Потом случилась лютая зима, улова не было, и он задолжал своим лендлордам — черным монахам из монастыря Беверли, что в двадцати милях отсюда. Сперва он продал лодку, чтобы покрыть долги и прокормить жену и приплод. Потом, когда деньги кончились и есть стало нечего, пришлось продать семью человеку побогаче, а в итоге и самому продаться своим бывшим лендлордам. А те ссудили Мерлу Годвину. Чертов олух! Будь он человеком чести, продан бы для начала сам и отдал деньги жениной родне, чтобы ее хоть взяли обратно. Будь он

¹ Полностью Dominica in Ramis Palmarum — Вербное воскресенье (*лат.*).

крепкого ума, продал бы первыми жену и детей, сохранив лодку. Тогда, глядишь, сумел бы выкупить их назад. Но у него ни ума, ни чести.

Годвин повернулся спиной к ветру и морю и придирчиво осмотрел полную кружку. По крайней мере, раб не прикладывался к ней. Вон как дрожит — сразу видно, что не посмел бы.

И на что же уставилась эта орясина через хозяйское плечо, разинув рот и тыча пальцем в сторону моря?

— Корабли! — возопил Мерла. — Викинги, в двух милях отсюда! Вот снова появились! Смотри, хозяин, смотри!

Годвин машинально развернулся; выругался, когда на рукав плеснуло кипятком, и вперился в тучи и дождь, куда указывал перст. Что там за точка, где облако сходится с волной? Нет, ничего. Или?.. Не рассмотреть толком. Там, вдали, волны вздымаются на двадцать футов — достаточно высоко, чтобы скрыть любой корабль, который пытается со спущенными парусами прорваться сквозь шторм.

— Я вижу их! — снова заблажил Мерла. — Два корабля, в кабельтове друг от друга!

— Ладьи?

— Нет, хозяин, кнорры.

Годвин швырнул кружку через плечо, свирепо впился в тощую руку раба железной хваткой и принялся бить его по лицу — ладонью, тылом кисти, промокшей кожаной перчаткой. Мерла хапал воздух и уворачивался, но не смел прикрыться.

— Говори по-английски, шлюхино отродье! И чтобы понятно было!

— Кнорр, хозяин. Это торговое судно. С глубокой осадкой, для груза. — Раб замялся, страхась и показать себя сведущим, и утаить знание. — Я отличаю по... форме носа. Это, хозяин, наверняка викинги. У нас таких судов нет.

Годвин снова уставился в море, чувствуя, как гнев отступает и сменяется леденящим комком в желудке. Сомнением. Ужасом.

— Слушай, Мерла, — прошептал он. — Мне надо знать точно. Если это викинги, я обязан созвать караулы со всего побережья, всех мужчин отсюда и до Бридлингтона. Правда, это сплошь керлы и рабы — известное дело. Если они оторвутся от своих жenuшек-гусынь, то невелика беда. Но я обязан сделать еще кое-что. Созвав дозорных, я отправлю гонцов в монастырь, что в Беверли, к монахам доброго Святого Иоанна — твоим господам, не забыл?

Он выдержал паузу, отметив ужас в глазах Мерлы. Тот не забыл.

— А они вызовут конных рекрутов, танов Эллы. Не дело держать их здесь, ведь пираты могут прикинуться, что идут на Фламборо, а сами, покуда таны будут морить лошадей на болоте, обогнут Сперн-Хед и окажутся в двадцати милях отсюда. Поэтому конница остается на

месте, чтобы броситься в любую сторону, откуда придет беда. Но если я ее вызову и она помчится через ветер и дождь по прихоти дурака... Особенно если какой-нибудь викинг прошмыгнет через Хамбер¹, когда никто не будет смотреть... Тогда, Мерла, мне придется туго. — Годвин заговорил резче и вздернул заморыша-раба так, что у того ноги оторвались от земли. — Но ты, клянусь всемогущим Богом на небесах, будешь жалеть об этом до конца твоих дней. А он не замедлит наступить после порки, которую тебе зададут. Но если, Мерла, там все же викинги, а я по твоей милости не доложу о них... я верну тебя черным монахам и сообщу, что от тебя никакого толку. Ну, что скажешь? Викинги там или нет?

Раб снова обратился к морю перекошенное от напряжения лицо. Он подумал, что было бы мудрее молчать с самого начала. Какое ему дело до того, что викинги разграбят Фламборо, или Бридлингтон, или сам монастырь Беверли? Они не смогут закабалить Мерлу больше, чем есть. Быть может, заморские язычники окажутся лучшими господами, чем местные христиане. Но теперь поздно раздумывать об этом. Он хорошо видит кнорры, в отличие от подслеповатого хозяина, этой сухопугной крысы.

Мерла кивнул:

— Викинги, хозяин. Два судна. В двух милях от берега на юго-восток.

Годвин ушел, выкрикивая распоряжения, созывая рабов, требуя коня, рог и свой маленький строптивый отряд мобилизованных фрименов. Мерла выпрямился, медленно дошел до юго-западного угла частокола и осторожно выглянул. Буря на миг улеглась, и обзор улучшился. Он оценил набегавшие волны и лежащую в сотне ярдов от берега туманную желтую линию — длинную, очень длинную намывную отмель, тянувшуюся вдоль пустынного, напрочь лишённого гаваней английского побережья, открытого всем водам и ветрам.

Мерла снял с частокола пригоршню мха, подбросил и проследил за направлением полета. На его изможденном лице медленно проступила мрачная улыбка.

Викинги — великие мореплаватели, но им не повезло с подветренным берегом при убийственном шторме. Их дело пропащее, если только не уляжется ветер или не вмешаются языческие боги из Валгаллы. Тем, кто на кноррах, больше не видать ни Ютландии, ни Вика.

Спустя два часа пятьдесят мужчин собрались южнее Хеда на северном конце длинной-предлинной, без единой бухты, полоски суши, которая уходила к Сперн-Хеду и устью Хамбера. Они были снаряже-

¹ Эстуарий рек Уз и Трент.

ны для боя: кожаные джеркины и шапки, копыя, деревянные щиты; несколько плотницких топоров, которыми мастерили дома и лодки; там и тут виднелись саксы — короткие мечи, подарившие имя народу, населявшему юг. И только у Годвина были металлический шлем и кольчуга, а к поясу крепился меч с латунной рукоятью.

В обычном случае эти люди, входившие в береговую охрану Бридлингтона, не рискнули бы отражать атаку закаленных воинов Дании и Норвегии. Они пустились бы наутек, прихватив пожитки и жен. А после ждали бы конных рекрутов, танов Нортумбрии, которые по долгу вступят в бой, за что и раздадут им поместья и барские дома. Ждали бы в надежде поучаствовать в травле поверженного врага и разжиться трофеями. У англичан не было такой возможности со времен битвы при Окли. А та случилась четырнадцать лет назад, на юге, в чужом королевстве Уэссексе, где творились всякие чудеса.

Тем не менее настроение людей, высматривавших кнорры, было спокойным и даже бодрым. В береговой охране почти все были рыбаками — знатоками Северного моря с его чудовищными приливами, непредсказуемыми течениями, туманами, штормами и вообще худшей погодой на свете. По мере того как прояснялось и корабли викингов безжалостно сносило к берегу, до каждого доходило то, что успел понять Мерла. Викинги обречены. Осталось лишь наблюдать за их тщетными попытками спастись. И не потерпят ли они крушение до того, как прибудут конные рекруты, вызванные Годвином несколькими часами раньше, — блистательные в своих доспехах, ярких плащах и с позолоченными мечами. После чего, как рассудили рыбаки, их шансы на достойную добычу будут ничтожны. Разве что запомнить место и после тайно пройтись по нему железными крючьями?.. Те, что стояли в тылу, негромко переговаривались, время от времени звучали приглушенные смешки.

— Смотри, — объяснял деревенский рив¹ Годвину, стоявшему в первом ряду, — ветер юго-восточный. Если поднимут парус, то смогут пойти на запад, север или юг. — Он быстро начертил на мокром песке. — Если на запад, то врежутся в нас. Если на север — в Хед. Понимаешь, коли им удастся миновать Хед, откроется путь на северо-запад, до самого Кливленда. Вот почему они пытались развернуться час назад. Уйти на несколько сот ярдов в море — и они спасены. Но они не знают о течении, а мы-то знаем. Оно дьявольски сильное, так и несет мимо Хеда. Они могут с тем же успехом грести своими... — Рив замолчал, боясь чересчур распустить язык.

— Почему они не идут на юг? — резко спросил Годвин.

¹ Представитель английской королевской власти на местах; также управляющий средневековым имением.

— Пойдут. Они пробовали свернуть, пытались встать на якорь. Я думаю, их главный — его называют ярлом — понимает, что команда измучена. Ночка, поди, выдалась еще та. А утром ошалели, когда увидели, куда их занесло. — Рив покачал головой, испытывая некоторое профессиональное сочувствие.

— Не такие уж они хорошие моряки, — удовлетворенно заявил Годвин. — И Бог против них, проклятых язычников, осквернителей церквей.

Позади раздался возбужденный гул, помешавший риву сболтнуть лишнее. Оба оглянулись.

На тропе, тянувшейся за линией прилива, появился конный отряд в дюжину душ. «Рекруты? — подумал Годвин. — Таны из Беверли?» Нет, танам никак не поспеть. Небось, еще только седлают коней. Однако предводитель был из благородных. Здоровый, крепкий, белокурый, с ярко-синими глазами и статью человека, который никогда не возделывал землю ради пропитания. Под дорогой алой накидкой, на пряжках и на вершии меча сверкало золото. Рядом сидела в седле его уменьшенная младшая копия — несомненно, сын. А с другого боку еще один юнец — высокий, с воинской выправкой, но смуглый и бедно одетый: в рубахе и шерстяные портки. Грумы держали под уздцы коней полудюжины лучше вооруженных, опытных мужей — то была свита, личный отряд богатого тана.

Незнакомый вожак поднял пустую ладонь.

— Мы не знакомы, — сказал он. — Я Вульфгар, тан восточных англов короля Эдмунда.

Толпа зашумела — заинтересованно, но на грани враждебности.

— Вы спросите, что я тут делаю. — Он указал на берег. — Я ненавижу викингов. Знаю о них, как мало кто иной. И как мало кто иной сожалею об этом. На моей родине, в Норфолке за Уошем, я возглавляю береговую охрану по приказу короля Эдмунда. Но мне давно стало ясно, что нам не избавиться от этих подонков, куда мы, англичане, сражаемся порознь. Я убедил в этом моего короля, и он снесся с вашим. Они условились, чтобы я поехал на север и побеседовал с мудрецами Беверли и Эофорвика насчет дальнейших действий. Сегодня ночью я заблудился, а утром встретил ваших посыльных, спешивших в Беверли. Я прибыл на помощь. — Он помолчал, затем осведомился: — Согласны ли вы?

Годвин медленно кивнул. Мало ли что наплел неотесанный рив — викинги могут добраться до берега. И если эта орда высадится, вооруженный отряд придется очень кстати.

— Добро пожаловать.

Вульфгар кивнул с подчеркнутым удовлетворением.

— Я один поспел вовремя, — заметил он.

В море же разыгрывался предпоследний акт драмы. Один кнорр обогнал другой на пятьдесят ярдов — команда либо устала, либо меньше слушалась шкипера. Теперь ей предстояло поплатиться за это. Судно развернуло, голая мачта страшно накренилась. Наблюдатели вдруг увидели, как желтая полоса подводной отмели очутилась за корпусом. Лежавший на палубе экипаж вмиг очутился на ногах и заполошно забегал, хватаясь за весла и тыча имя за борт в попытке отвести судно и выгадать еще несколько минут жизни.

Слишком поздно. Поняв это, викинги издали отчаянный вопль, слабо донесшийся через воду; на берегу англичане вторили возбужденным гулом. Пошла волна, огромная, седьмой вал, который всегда выкатывается на берег дальше других. Внезапно кнорр вознесся на этом валу, накренился, и бочки, ящики вперемешку с людьми посыпались в подветренные шпигаты. Затем волна ушла, и кнорр звучно обрушился на плотный песок и гальку. Настил разлетелся, мачта запуталась в такелаже; на миг обозначился человек, отчаянно вцепившийся в узорный нос, имевший вид дракона. Потом все накрыла очередная волна, а когда схлынула, остались лишь плавающие обломки.

Рыбаки кивнули. Некоторые перекрестились. Добрый Господь рано или поздно подвергнет их той же участи, если убережет от викингов. Они погибли по-мужски, с холодной солью во рту, с кольцами в ушах — надо же расплатиться с милосердными незнакомцами за свое погребение. Теперь искушенному капитану осталось испробовать только одно.

Экипаж уцелевшего судна так и решил: не дожидаться гибели и прорываться на юг при ветре на траверзе, забирая по возможности на восток. За рулевым веслом вдруг возник человек. Даже за два фарлонга наблюдатели различили его рыжую бороду, ходившую ходуном, пока он яростно выкрикивал приказы, чьи отголоски далеко разлетались над водами. Люди держались за снасти, выжидая. Обрывок паруса взмыл, мгновенно поймал ветер и надулся. Судно неумолимо поволокло к берегу; последовали новые приказы, рея развернулась, и корпус накренился по ветру. Через несколько секунд кнорр прочно лег на новый курс, набирая скорость и широко рассекая воду; он мчался от Фламборо-Хеда по направлению к Сперн-Хеду.

— Уходят! — вскричал Годвин. — По коням!

Он отшвырнул груга, вскочил в седло и припустил галопом. Вульфгар, приезжий тан, отставал лишь на пару шагов, а свита обоих предводителей беспорядочно растянулась. Задержался только смуглый малый, прибывший с Вульфгаром.

— Ты не спешишь, — заметил он неподвижному риву. — Почему? Не хочешь их догонять?

Рив осклабился, нагнулся, взял щепотку песка и подбросил в воздух.

— Пусть попробуют спастись, — молвил он. — Больше-то делать нечего. Но далеко они не уйдут.

Повернувшись кругом, он велел двум десяткам мужчин остаться и осмотреть берег — нет ли среди обломков выживших. Другие двадцать снялись с места и устремились за танами. Остальные, сбившись в кучу, целеустремленно затрусили вдоль берега за ухотившим судном.

Через несколько минут даже неопытным морякам стало ясно то, что рив понял сразу. Шкиперу викингов не суждено было выиграть в этой схватке. Он уже дважды пытался направить судно в море, и двое присоединились к рыжебородому у рулевого весла. Остальная команда разворачивала рею, покуда снасти не застонали на ветру. Оба же раза огромные волны беспощадно накатывали на носовую часть, крена и понуждая развернуться кнорр, и корпус дрожал от мощи враждебной стихии. И вновь шкипер пытался установить судно параллельно береговой линии, прибавить ходу и сделать очередной рывок к спасительному морскому простору.

Но встал ли кнорр параллельно? Даже неискушенным Годвину и Вульфгару было теперь понятно, что положение изменилось: усилился ветер, окрепли волны и прибрежное течение не выпускало днище из своей хватки. Рыжебородый все правил веслом, все распоряжался о каком-то новом маневре, и «корабль кольцегрудый по равнине волн»¹, как выразился скальд, по-прежнему продвигался вперед, но его нос поворачивался дюйм за дюймом и фут за футом, а желтая линия угрожающе приближалась, и было ясно, что вот-вот...

Удар. Только что кнорр неся стрелой, и вот он врезался носом в неподатливую гальку. Мачта мигом переломилась и рухнула вперед, задавив половину команды. Уложенные внакрой доски разошлись, впуская кипучее море. В мгновение ока судно раскрылось, как цветок. А потом исчезло; лишь обломки закачались на волнах, обозначив место, где оно только что было.

Рыбаки затрепетали от алчности: на сей раз крушение случилось довольно близко от берега! И голова видна среди мусора. Рыжая голова.

— Никак хочет выплыть? — спросил Вульфгар.

Теперь человека было хорошо видно. Он находился в пятидесяти ярдах, держался смирно и не пытался плыть, следя за огромными волнами, которые накатывали на берег, где разбивались вдребезги.

— Хочет попробовать, — ответил Годвин и дал людям знак, чтобы шли к воде. — Если сумеет, мы его схватим.

Рыжебородый решился и поплыл вперед, рассекая воду мощными взмахами рук. Он видел, что его настигает огромный вал. Вот море

¹ «Беовульф». Перев. В. Тихомирова.

подняло викинга и швырнуло к берегу; он вытянулся на подъеме волны, словно надеялся воспарить и приземлиться, как невесомая белая пена, которая подобралась почти вплотную к кожаным сапогам танов. Десяток махов — и вот он здесь; наблюдатели запрокинули головы, следя, как пловец возносится на самый гребень. Затем волна, бежавшая впереди, отступила и пресекла его продвижение великим водоворотом песка и камня; гребень распался, низверг рычащего человека, покатило его, беспомощного. Отступая, вода потащила рыжего назад.

— Взять его! — заорал Годвин. — Шевелитесь, хороняки! Он вас пальцем не тронет!

Два рыбака бросились в волны, подхватили бородача под руки и понесли. Викинг бессильно висел промеж них.

— Живой, — удивленно буркнул Вульфгар. — Я думал, волна сломала ему хребет.

Ноги рыжебородого коснулись земли. Он огляделся; увидел, что подступило восемьдесят человек, и вдруг оскалил белоснежные зубы.

— Надо же, какой прием, — хмыкнул бородач.

Он повернулся, удерживаемый своими спасителями, уперся краем ступни одному в голень и приналег всем весом до упора. Рыбак взревел и выпустил мускулистую руку. Та моментально описала дугу, и пальцы погрузились в глазницы второго, который еще держал. Тот тоже завопил и упал на колени, между пальцами хлынула кровь. Викинг выхватил из-за пояса тесак, шагнул вперед, срабастил ближайшего англичанина одной рукой и распорол его до горла другой. Когда товарищи рыбака с криками отшатнулись, викинг вцепился в копые, метнул нож и выхватил из руки упавшего сакс. Сердце едва ударило десять раз с того мгновения, как ноги рыжего коснулись земли, а он уже в центре полукруга мужчин, которые пятились прочь, кроме тех двоих, что остались лежать.

Он вновь показал зубы, с диким хохотом запрокинув голову.

— Давайте! — воскликнул он гортанным голосом. — Я один, вас много. Сразитесь с Рагнаром. Кто самый смелый? Ты будешь первым? Или ты? — Он ткнул копьём в сторону Годвина и Вульфгара, которые теперь стояли отдельно, разинув рты, тогда как рыбаки продолжали отступать.

— Придется нам его успокоить, — пробормотал Годвин, извлекая меч. — Жаль, нет щита.

Вульфгар присоединился к нему, оттолкнув белокурого паренька, что стоял в шаге позади.

— Уйди, Альфгар. Мы обезоружим его, а деревенщина добьет.

Два англичанина шагнули с мечами наголо к викингу; ослабься, тот поджидал по щиколотку в кровавой воде.

Затем вдруг устремился в атаку с быстротой остервеневшего вепря. Растерявшийся Вульфгар отпрянул и оступился. Викинг промахнулся левой рукой, но изготовил правую для убийственного удара.

Что-то свалило его с ног и потащило назад. Он отчаянно сопротивлялся, силился высвободить руку, кувыркаясь на мокром песке. Рыбачья сеть. Рив и еще двое прыгнули вперед, ухватились за просмоленные веревки и затащили. Один выхватил из руки запутавшегося викинга сакс, второй что было силы топнул по пальцам, сжимавшим копье, сломал и кости, и древко. Беспомощного Рагнара спеленали быстро и ловко, как морскую собаку или сельдиевую акулу, после чего рыбаки выпрямились и стали ждать распоряжений.

Вульфгар переглянулся с Годвином и подошел хромая.

— Ну-ка, кого это мы выловили? — проворковал он. — Что-то подсказывает мне: это не простой шкипер, которому изменила удача.

Он осмотрел и пощупал одеяние пленного.

— Козлиная шкура, — объявил Вульфгар. — Просмоленная козлиная шкура. Он назвал Рагнаром. Мы схватили самого Лодброка. Рагнара Мохнатые Штаны.

— Не нам с ним разбираться, — произнес Годвин среди общего молчания. — Нужно отправить его к королю Элле.

Вмешался смуглый малый — тот, что расспрашивал рива.

— К королю Элле? — переспросил он. — Я думал, Нортумбрией правит Озберт.

С утомленной учтивостью Годвин повернулся к Вульфгару.

— Не знаю, как вы воспитываете своих норфолкцев, — заметил он. — Но брякни такое мой человек, я вырвал бы ему язык. Конечно, если он не из твоей родни.

Костяшки пальцев Вульфгара побелели на рукояти меча.

В темной конюшне никто не мог видеть смуглого юношу. Он уткнулся лицом в седло и обмяк. Спина горела огнем, заскорузлая от крови шерстяная рубаха причиняла боль при каждом движении. Никогда еще его не избивали так сильно, а доставалось ему часто, очень часто — и ремнем пороли, и веревкой хлестали, перегнув через лошадиные ясли во дворе дома, который он называл своим.

Юноша знал, за что наказан: за слова о родстве. Он надеялся, что чужаки не слышали его воплей. Под конец парень лишился дара речи. Сохранилось мучительное воспоминание о том, как он выполз на божий свет. Затем долго ехал через Уолдс, пытаясь держаться прямо. Что хорошего в Эофорвике? Легендарный город, обитель давно ушедших, но по-прежнему загадочных римлян и их легионов, воспламенял его живое воображение больше, чем победные песни менестрелей. И вот он здесь, но все, чего ему хочется, — бежать.

Когда же он избавится от отцовской вины? От ненависти отчима?

Шеф взял себя в руки и потянул за тяжелые ремни, расстегивая подпругу. Он был уверен, что вскоре Вульфгар переведет его в настоящие рабы, с железным ошейником, и, презрев жалкие протесты матери, продаст на рынке в Тетфорде или Линкольне за приличные деньги. В детстве Шефа тянуло к деревенской кузнице — там он скрывался от оскорблений и побоев. К тому же его привлекал огонь, да и нравилось помогать кузнецу — раздувать меха, держать клещи, лупить молотом по заготовке. Ковать свои собственные орудия. Собственный меч.

В рабстве обо всем этом придется забыть. Возможно, сейчас самое время податься в бега. Невольникам иногда удавалось скрыться. Чаще не удавалось.

Он снял седло и осмотрелся в незнакомой конюшне — куда бы положить? Дверь отворилась,пустила свет, за ним — свечу и знакомый холодный, пренебрежительный голос Альфгара.

— Еще не закончил? Бросай все, я пришлю груга. Отца призвали на совет с королем и важными особами. Ему нужен слуга, чтобы подливал эль. Мне это не с руки, а его свитские слишком горды. Ступай, живо. Тебя ждет королевский тан-камергер. Он скажет, что делать.

Шеф, слишком обессиленный, чтобы идти прямо, выбрался в сумерки весеннего вечера и поплелся во двор королевского дворца — величественного деревянного здания, построенного за старинным римским крепостным валом. И все же в сердце зародился жар волнения. Совет? Важные особы? Они будут решать судьбу пленника, могучего воина. Найдется что рассказать Годиве — такого в Эмнете не знает ни один умник.

— И помалкивай, — прошипели ему вслед из конюшни. — Иначе и впрямь останешься без языка. И еще запомни: сейчас король Нортумбрии — Элла. И ты не родня моему отцу.

ГЛАВА 2

— Итак, мы полагаем, что это Рагнар Лодброк? — обратился к совету король Элла. — Но не знаем наверняка.

Он свысока посмотрел на длинный стол, за которым расположилось с десяток мужей — все на низких стульях, за исключением самого короля, восседавшего на внушительном резном троне. Большинство было одето, как он или как Вульфгар, занявший место ошуюю Эллы: яркие цветастые плащи, которые защищали от сквозняков, проникавших через щели в затворенных ставнях и колебавших пламя просаленных факелов; золото и серебро на запястьях и крепких шеях; запоны, пряжки и тяжелые перевязи. Это была военная аристократия

Нортумбрии, правители обширных земель на юге и востоке королевства — те самые люди, которые возвели на трон Эллу и свергли его соперника Озберта. Им было неудобно на стульях, как и любому, кто провел жизнь на ногах или в седле.

У противоположного края стола расположились еще четверо, как бы нарочно обособившись. Трое были одеты в черные сутаны с капюшонами, какие носили монахи-бенедиктинцы; четвертый был в пурпурно-белом епископском облачении. Они сидели непринужденно, навалившись на стол, готовые записать стилем на восковой табличке все, о чем пойдет речь, или же втайне поделиться друг с другом мыслями.

Ответить на королевский вопрос взялся Катред, начальник личной охраны.

— Мы не нашли никого, кто знал бы Рагнара в лицо, — сообщил он. — Все, кому выпало повстречаться с ним в бою, мертвы. Кроме примкнувшего к нам благородного тана короля Эдмунда, — учтиво добавил он. — Смерть этих людей не доказывает, что в наши руки угодил Рагнар Лодброк. Но я все же думаю, это он. Во-первых, пленник молчит. Я умею разговорить человека, и тот, кто упорно не раскрывает рта, не простой пират. Наш викинг явно считает себя важной птицей. Во-вторых, все сходится. Чем занимались эти разбойники? Они возвращались с юга; их снесло с курса; они много дней не видели ни солнца, ни звезд. Иначе такие мореходы — а бридлингтонский рив утверждает, что они знали свое дело, — не угодили бы в подобный переплет. И это были грузовые суда. А какие грузы возят на юг? Рабов. Там не нужны ни шерсть, ни меха, ни эль. Это были работорговцы, возвращавшиеся из южных краев. Наш забияка — работорговец с высоким положением, и это похоже на Рагнара. — Катред, утомленный своим ораторством, хорошенько приложился к кружке. — И есть еще одно обстоятельство, которое вселяет в меня уверенность. Что нам известно о Рагнаре? — Он оглядел собравшихся. — Правильно: он негодяй.

— Этот негодяй осквернял церкви, — подал голос с конца стола архиепископ Вульфхер. — Насиловал монахинь. Похищал Христовых невест. Грехи, несомненно, избличат его.

— Разумеется, — согласился Катред. — Но вот что я слышал о нем, и только о нем, а не обо всех осквернителях и насильниках, какие сыщутся в мире. Рагнар отлично умеет добывать сведения. Он похож на меня: мастер развязывать языки. А делает он это, насколько я знаю, вот как. — В голосе капитана обозначился профессиональный интерес. — Поймав кого-нибудь, Рагнар не толкует с ним, не спорит, а сразу выкалывает глаз. Затем, все так же без слов, нацеливается на второй. Если бедняге приходит на ум что-то важное для Рагнара, пока тот примери-

вається, то его счастье. Если нет — дело плохо. Говорят, этак Рагнар извел прорву людей, но кто считает деревенщину? Для изверга лишь бы сберечь время и силы.

— И в ходе дружеской беседы двух умельцев наш пленник признался, что разделяет этот взгляд? — Это заговорил черный монах, и голос был исполнен высокомерия.

— Нет. — Катред хлебнул еще эля. — Но я видел его ногти. Все коротко острижены. Кроме того, что на большом пальце правой руки. Этот с дюйм. Твердый, как сталь. Я прихватил его. — Капитан бросил на стол окровавленный ноготь.

— Значит, это Рагнар, — молвил король Элла в наступившей тишине. — Как мы поступим с ним?

Воины озадаченно переглянулись.

— То есть голову отрубить мало? — дерзнул спросить Катред. — Лучше повесить?

— Или хуже? — вставил другой нобль. — Обойтись, как с беглым рабом? Может быть, монахи... Что там была за история со святым... как бишь его? Которого на решетке поджарили? — Фантазия иссякла, и он умолк.

— У меня другая мысль, — сказал Элла. — Мы можем его отпустить.

Все оцепенели. Король подался вперед со своего трона, поочередно обращая ко всем живое лицо и острый взгляд.

— Подумайте. Почему я король? Я король потому, что Озберт... — Запретное имя вызвало оторопь у внимавших и ввергло в дрожь слугу с исполосованной спиной, стоявшего за Вульфгаром. — Потому что Озберт не сумел защитить королевство от набегов викингов. Он сделал то же, чем мы занимались всегда. Велел всем и каждому держать ухо востро и обороняться самостоятельно. И мы получили десять кораблей, с которых высадились полчища, творившие в городе все, что им вздумается. Остальные города и приходы бездействовали и молили Господа об избавлении от лютой участи. А что сделал я? Вы знаете: я вернул всех дозорных, оставив только заставы; обзавелся конницей, разместил в важнейших местах верховых рекрутов. Теперь, если на нас нападут, мы в состоянии ответить, пока враг не углубится в страну, и преподать ему урок. Я думаю, что нужно действовать по-новому. Мы можем отпустить Рагнара. Предлагаю заключить с ним сделку: пускай отправляется восвояси и впредь держится подальше от Нортумбрии, а вместо себя оставит заложников. До их прибытия будем содержать его как высокого гостя, а после отошлем с богатыми подарками. Нам это обойдется недорого, сбережем куда больше. К тому времени, когда его обменяют, он оправится от беседы с Катредом. Что скажете?

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛОТ И КРЕСТ. <i>Перевод А. Смирнова</i>	5
КРЕСТ И КОРОЛЬ. <i>Перевод В. Гаврилова</i>	357
КОРОЛЬ И ИМПЕРАТОР. <i>Перевод В. Гаврилова</i>	723

Гаррисон Г., Холм Дж.

- Г 21 Молот и крест ; Крест и король ; Король и император : романы / Гарри Гаррисон, Джон Холм ; пер. с англ. В. Гаврилова, А. Смирнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 1120 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-21020-2

Год 865-й. Британскими островами правят враждующие короли, а королями правит Церковь, беспощадно расправляясь со всеми, кто оспаривает ее власть. Только грозные викинги не страшатся христианских иерархов и крепко держатся за свою веру.

Молодой кузнец Шеф, рожденный знатной английской пленницей от вождя разбойников-северян, волею судьбы — а может быть, волею языческих богов — становится врагом собственного народа. Таинственный наставник, являющийся в видениях, помогает ему создавать ранее невиданное оружие. Но этого мало, чтобы одерживать победу за победой; главные союзники Шефа — его отвага и изобретательность. Шеф собирает по крупицам собственное королевство и начинает тотальную войну — войну Молота и Креста.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

ГАРРИ ГАРРИСОН, ДЖОН ХОЛМ

МОЛОТ И КРЕСТ

КРЕСТ И КОРОЛЬ

КОРОЛЬ И ИМПЕРАТОР

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Художественный редактор Татьяна Павлова

Технический редактор Валентина Дик

Корректоры Елена Терскова, Валентина Гончар, Светлана Федорова,
Анастасия Келле-Пелле, Валерий Камендо

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.06.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 68,6. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-FFB-29951-01-R